

Н. Н. РОЗОВ

Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода

(О предполагаемых западнославянских источниках сочинений Иларiona)

Связи древнерусской литературы со славянскими интенсивно изучаются советскими и зарубежными славистами. Проблема межславянских литературных связей была одной из основных проблем IV Международного съезда славистов в Москве в 1958 г.,¹ обсуждалась и на следующем, V съезде в 1963 г. в Софии. К последнему был приурочен специальный выпуск ТОДРЛ — «Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур», в котором большинство материала посвящено связям древнерусской литературы с южнославянскими.² Что же касается связей с западнославянскими литературами — польской и чешской, то им посвящено шесть статей из двадцати четырех; и только одна из них касалась русско-чешских литературных связей древнейшего времени.³

Однако вопрос о древнейших русско-чешских литературных связях был затронут во многих статьях этого тома ТОДРЛ, в том числе и в тех, что посвящены русско-южнославянским связям. И это не случайно, так как традиционное мнение о монополии византийских и южнославянских влияний на древнерусскую письменность и литературу в настоящее время радикально пересмотрено. Поэтому, например, В. А. Мошин специальную главу своей статьи «О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV веков» посвятил «западной традиции при рождении русской письменности», в которой отметил, что данным вопросом «плодотворно занимались чешские слависты».⁴

Изучением русско-чешских литературных связей древнейшего периода уже почти полтора столетия занимаются и русские ученые. В 1827 г. А. Х. Востоков открыл русское Житие св. Вацлава; в 1904 г. Н. К. Никольский обнаружил в двух русских списках другой вариант биографии

¹ Этой проблеме были посвящены два доклада и целый ряд выступлений участников съезда, а также несколько «Вопросов», с которыми Советский комитет славистов предварительно обратился к участникам съезда (см.: Вопросы к участникам IV Международного съезда славистов. М., 1956).

² ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963.

³ Статья О Кралика «Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле».

⁴ ТОДРЛ, т. XIX, стр. 35. О том, что это занятие в настоящее время продолжается, свидетельствует тот факт, что на вопрос Советского комитета славистов о характере связей древнерусской литературы с западнославянскими все три ответа были получены из Чехословакии и все они касались древнейшего периода.

чешского князя.⁵ Более ста лет изучаются и публикуются преимущественно по русским спискам Паннонские легенды о Кирилле и Мефодии.⁶ Изучаются, наконец, и следы влияния древнейшей чешской литературы на старейшие памятники литературы Киевской Руси, на Житие Бориса и Глеба — в частности,⁷ которые свидетельствуют не только о знакомстве русского читателя XI в. с биографией чешского князя, но и о значительном ее распространении. Сам Борис, быть может, не знал истории Вацлава, но его биограф несомненно не только знал, но и был уверен в знакомстве с ней своих читателей: иначе он не включил бы в свой рассказ упоминание о трагической судьбе чешского князя.

Некоторые споры вызвал вопрос о пути проникновения на Русь древнечешских литературных памятников — был ли он прямым или окольным. Отдельные ученые — приверженцы традиционной точки зрения о монополии византийско-южнославянских влияний на древнерусскую литературу — считали, что и чешские памятники пришли на Русь через посредство южнославянской письменности (Н. Серебрянский и др.). Позднейшие исследования, в том числе современных чешских славистов, показывают, что путь памятников древнечешской литературы в нашу страну далеко не всегда был окольным. В таком, например, духе высказывается И. Вашица в своем «Ответе» на «Вопрос» Советского комитета славистов.⁸

В названном, а также и в двух других ответах современных чехословацких ученых на вопрос «Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян?» высоко оцениваются работы русских ученых. Так, например, И. Вашица считает, что «создающие целую эпоху» исследования А. И. Соболевского произвели «решительный поворот» в пользу признания существования в Чехии X в. традиции «церковнославянской» письменности, противостоявшей некоторое время интенсивному насаждению западной, католической традиции и перешедшей в некоторых своих памятниках на Русь. «Вслед за Соболевским, — пишет дальше И. Вашица, — решению этой проблемы чешско-русских связей выдающимся образом способствовал Н. К. Никольский», исследование которого «Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры» признается чешским ученым «блестящим».

Однако это и два других исследования Н. К. Никольского, посвященные связям древнейшей русской письменности с западнославянскими литературами,⁹ вызвали к себе довольно распространенное скептическое отношение советских ученых, в том числе Н. К. Гудзия, посвятившего концепции Н. К. Никольского часть своего доклада на IV Международ-

⁵ См.: Н. К. Никольский. Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909 (ПДП ОЛДП, № 174)

⁶ Их последнее издание осуществлено П. А. Лавровым: Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — Труды Славянской комиссии АН СССР, т. I. Л., 1930.

⁷ Из последних советских работ можно назвать книгу Н. Н. Ильина, в которой дан краткий обзор литературы и характеризуется современное состояние вопроса о влиянии Жития Вацлава на Сказание о Борисе и Глебе. (Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 45—65).

⁸ Сборник ответов на вопросы по литературоведению (АН СССР, Советский комитет славистов. IV Международный съезд славистов), М., 1958, стр. 7—10.

⁹ Н. К. Никольский. 1) К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право. — Библиографическая летопись, 3, 1917; 2) К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи. — Вестник АН СССР, 1933, № 8—9.

ном съезде славистов.¹⁰ Скепсис советских ученых к этим работам Н. К. Никольского, явно не разделяемый их чехословацкими коллегами, вероятно, связан с недооценкой и других работ этого ученого его соотечественниками. Поводом к нему послужили, скорее всего, некоторые резкие и не всегда обоснованные высказывания Н. К. Никольского о работах своих предшественников и современников. Но не следует забывать о том, что многие работы Н. К. Никольского, в том числе посвященные русско-чешским литературным связям, опубликованы далеко не полностью. Обильные материалы к ним, а также к другим неопубликованным и незавершенным работам остаются в архиве ученого и ждут своего исследования или хотя бы проверки.¹¹

Среди материалов архива Н. К. Никольского имеются заготовки и отрывки его незаконченного исследования «Слова о законе и благодати» и других сочинений митрополита Илариона.¹² Это — 215 листов и листочков мелкого (не больше тетрадного) формата, находящихся в полном беспорядке, расположенных и перенумерованных случайно, почти без всякой логической и смысловой последовательности, очевидно, при первоначальной обработке архива после смерти ученого. Поэтому определить замысел и содержание этой работы нелегко, но некоторые приготовленные для нее материалы, касающиеся темы настоящей статьи, заслуживают внимания. Ключ к этим материалам — в большинстве своем выпискам из источников — находится на одном из листочков с таким наброском:

«Влияние кирилло-мефодиевской литературы — раннее (до к. XI в.) „Слово о законе и благодати“.

«Параллели —

- «в Житии Кирилла Философа,
- «в Похвале Кириллу и Мефодию,
- «в Написании о вере,
- «в Словесах свв. пророк,
- «в Евхологии Синайском,
- «в Прогласе,
- «в Слове, изданном Поповым,
- «в Житии Мефодия,
- «в Житии св. Вита».

Под этим перечнем подведена черта, а ниже добавлено: «У латинских писателей».¹³

С последней группы материалов, содержание которой Н. К. Никольским не раскрыто, и начнем рассмотрение подобранных им параллелей к сочинениям Илариона.

Больше всего имеется выписка из следующих латинских источников: сочинений Гавденция, епископа Брешии (V в.) и Бонифация (Винфрида), «апостола Германии» (VIII в.), а также Мессы св. Августина и одной из легенд о св. Вацлаве; выписки из первых трех источников

¹⁰ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., 1958, стр. 5—15.

¹¹ См.: Н. Н. Розов. Академик Н. К. Никольский и его научное наследие (к 30-летию со дня смерти). — ИЮЛЯ, т. XXV, вып. 3, 1966, стр. 256—258.

¹² Архив Академии наук СССР (в Ленинграде), ф. № 247, оп. 1, № 85. На первом листе, вероятно, заглавие работы: «„Слово о законе и благодати“ как памятник русской литературы XI в.».

¹³ Там же, л. 60. Выписки из архивных материалов приводятся в современной орфографии и с восполнением сокращенных Н. К. Никольским слов. Для первой группы перечисленных выписок, очевидно, был предназначен пустующий конверт с надписью «Иларион и кирилло-мефодиевская литература» (л. 16).

сделаны по «Патрологии» Миня, а из последнего — по изданию Пекаржа.¹⁴ Параллели, взятые из сочинений Гавденция и легенды о св. Вацлаве, относятся к «Слову о законе и благодати», из Мессы св. Августина — к «Молитве» и из Бонифация — к «Исповеданию веры» Илариона. Приведем их в порядке следования соответствующих им мест в сочинениях Илариона с переводом латинских цитат на русский язык.

Среди выписок Н. К. Никольского имеется цитата из Гавденция, помеченная «„Слово о законе и благодати“, к заглавию»; его мы и приведем рядом с латинской цитатой — по изданию А. В. Горского, по которому сделаны все остальные выписки параллелей.¹⁵

Текст по изд. Горского	Текст по изд. Миня	Перевод
<p>О законе Моисеем, данном ему, и о благодати и истине Иисус Христом бывшим; и како закон отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вера в вся языки простресея и до нашего языка русскаго. И похвала кагану нашему Владимиру, от него же крещени бяхом (22).</p>	<p>66. Nam totius observantiae veteris Legem per gratiam Filii Dei in veritate novi Testamenti cognovimus esse completam, probantes, quomodo pasche lex, quae per Moysen fuerat data, gratia et veritas per Jesum Christum facta est; cui omni honor, virtus, et gloria cum Patre, et cum Spiritu sancto, per omnia secula. Amen (920).</p>	<p>Ибо мы познали, что закон всего древнего послушания посредством благодати сына божия в истине Нового завета преисполнен, доказывая, каким образом закон, который был дан Моисеем, благодатью и истиной был создан с помощью Иисуса Христа, которому всему почет, доблесть и слава вместе с отцом и с духом святым во веки веков. Аминь.</p>

Дальнейшие выписки относятся к тексту «Слова»:

80. Яко бог изыде, девства не вреждь (30).

...sine ullo damno integritatis maternae egreditur (934).

Исходит без всякого ущерба девственности.

99. Слышал бо бе глагол господень Даниилом Навходоносору царю: съвет мой да будет ти годе, царю Навходоносору, и грехы твоа милостынями оцести и неправды твоа щедротами нищих (42).

Vis autem nosse, quantum eleemosynae sublevant opera peccatorum? Audi consilium quod peccatori diviti ingerit propheta Daniel: Nunc, inquit, rex, consilium meum placeat tibi; iniquitates tuas eleemosynis redime, et peccata tua miserationibus pauperum (Dan. IV). Sed forte vel tibi, vel filiis tuis servatim aestimas quod pauperibus negas (941).

Хочешь ли ты узнать, как милостыни уменьшают тягости грехов? Услышь, какой совет дал богатому грешнику пророк Даниил: «Пусть теперь, царь, — сказал он, — совет мой станет угодным тебе. Милостынями искупи жестокости твои и грехи свои состраданиями бедным. Но, может быть, ты считаешь, что для тебя или сыновей твоих сохранено то, в чем ты отказываешь бедным.

¹⁴ Josef P e k a ř. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christianus. Prag. 1906.

¹⁵ Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе, ч. 2. М., 1844. Цитаты из этого издания, а также и из изданий других, привлеченных Н. К. Никольским памятников древнеславянской письменности и литературы, приводятся в орфографии этих изданий, но титлы раскрываются, «ъ» в конце слов опускается, а «юсы» и нотированные гласные заменяются соответствующими им современными буквами, равно как и «і» замещается на «и», а «ѣ» на «е». В начале каждой цитаты проставляется номер соответствующего листа в материалах Н. К. Никольского, а в конце (в скобках) — страница соответствующего издания. В дальнейшем, во всех приводимых материалах архива Никольского, подчеркнутые им слова выделяются разрядкой. Латинский текст приводится по изданию Миня: M i n g e. Patrologia latina, XX.

15. Добр послух благоверню твоему, о блаженниче, святаа церкви святаа богородица Мариа, юже създа на правоверней основе (44).

Super unum (Petrum) fundatur Ecclesia: alter (Paulus) pretiosum fidei murum doctrina sua portat in populo, ipse Vas electionis effectus (995).

Благодаря одному — Петру — основывается церковь; другой — Павел — своим учением несет народу драгоценное миро веры, сам сделанный сосудом избрания.

Приведенные сопоставления не представляются на первый взгляд убедительными; взятые из различных сочинений хотя и одного и того же автора, они несут на себе налет случайности. Два из них восходят к общему источнику: первая латинская цитата варьирует известный тезис начала Евангелия от Иоанна (1, 17), развитием которого является первая часть «Слова о законе и благодати», что отразилось в соответствующей ей первой части заглавия этого произведения; третья, так же, как и соответствующая ей выписка из сочинений Илариона, восходит к одному и тому же месту книги пророка Даниила (4, 27). Наконец, две остальные параллели касаются двух весьма часто трактуемых в христианской догматике тезисов — о «непорочном зачатии» Христа и о «твердом основании» церкви (заметим в скобках: если в латинской цитате речь идет, скорее всего, о «церкви» как организации верующих и об апостолах Петре и Павле, то Иларион имеет в виду конкретный архитектурный памятник Киева — Десятинную церковь). Вероятно, у Н. К. Никольского — ученого широкой, в том числе богословской эрудиции, — были какие-то серьезные основания для этих параллелей, но какие именно — неизвестно, так как их следов в архиве не сохранилось. И, публикуя выписки Н. К. Никольского, мы надеемся, что для какого-нибудь ученого-специалиста они покажутся более убедительными, чем для автора предлагаемой статьи, мало сведущего в религиозно-догматической литературе.¹⁶

Другая латинская параллель к одному — и очень важному для раскрытия идейно-политического содержания «Слова о законе и благодати» месту в его «исторической», а не догматической части представляется несравнимо более убедительной. Это — довольно большая выписка из легенды о св. Вацлаве.

Приведем ее рядом с еще большей цитатой из «Слова» Илариона, выписанной Н. К. Никольским:

95. Тогда начать мрак идольский от нас отходити и заря благовериа явишяся. Тогда тьма бесовскаго служения погыбе и солнце евангельское землю нашу осия. Капища раздрушишася и церкви поставляются, идолы съкрушаются и иконы святых являхуса, беси пробегашу — крест грады освящаше.

И пастуси словесных овец Христовых сташа епископи и

Et extunc ceperunt eo iubente ydola minui, Christi ecclesia aperiri, et fideles, qui dispersi fuerant, affluere. Laus deo resonare cepit, qua actenus conticuerat; et sancta fides lucidius pullulare cepit, sub corona Iesu Christi magnifice triumphare, aggregatis ad illum sacerdotibus qui ordinavere testamentum dei super sacrifi-

И тогда по его повелению стали уменьшаться идолы и церкви Христа отворяться. И верующие, которые до этого рассеяны были, стали стекаться. Хвала богу, о которой до сих пор не было слышно, стала раздаваться. И святая вера стала ярче распространяться под венцом Иисуса Христа, ве-

¹⁶ Однако один из последних издателей и комментаторов сочинений Илариона, немецкий ученый Лудольф Мюллер — специалист в области церковно-исторической и канонической литературы — ни в одном из двух своих комментариев (подстрочном и «вещественном»), в которых касается широкого круга патристической литературы, не упоминает сочинений Гавденция, равно как и других названных латинских авторов. (Des Metropolitan Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstaufgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962).

попове и днакони бескровную жрътву възносяще и весь клирос украсиша в лепоту и одеша святыя церкви. Апостольскаа труба и евангельскый гром вся грады огласи. Темиян богу въспущаем въздух освяти. Монастыреве на горах сташи, черноризици явишася. Мужи и жены, малии и велицыйи и вси людие исполньше святыа церкви въславишиа глаголюще: един свят, един господь Иисус Христос в славу богу отцу Аминь. Христос победи, Христос одоле, Христос въцарися, Христос прославися. Велий еси господи и чюдна дела твоа! Боже нашъ — слава тебѣ! (40).

cia et annunciabant opera eius in exultacioni, quam magnus dominus et laudabilis nimis (410—411).

ликолепно торжествовать после того, как присоединились к нему священнослужители, которые завет бога установили над священнодействиями и начали возвещать о делах его славкованием — сколь велик бог и сколь достоин он хвалы.

В отличие от приведенных выше выписок из сочинений Гавденция здесь имеется не случайное, а настоящее, смысловое совпадение, которое трудно возвести к общему источнику; объяснить его можно скорее общностью ситуации, которую характеризуют обе части приведенной параллели: речь идет о распространении христианства в Чехии, после крещения Вацлава и на Руси после ее крещения Владимиром.

Остальные и очень немногочисленные выписки-параллели Н. К. Никольского из латинских источников — Послания папы Григория II (л. 153), Молитвы мученика Киприана (л. 159) и некоторые другие фразы из разных томов «Патрологии» Миня, так же как и выписка из греческого Жития Климента Охридского (л. 6) соотносятся им с отдельными выражениями в сочинениях Илариона. Они настолько отрывочны, что на них можно не останавливаться. Возможно, что Н. К. Никольский собирался умножить и как-то обосновать эти параллели, а может быть, и наоборот — отбросил их как неубедительные и случайные.

Рассмотрим теперь выписки-параллели Н. К. Никольского к «Слову о законе и благодати» из памятников кирилло-мефодиевской литературы.

Начнем с выписок из одного из старейших памятников славянской письменности — глаголического Синайского евхология X в. (по изданию Гейтлера):¹⁷

«Слово о законе и благодати»

63. Благословен господь бог Израилев, бог христианск, яко посети и сътвори избавление людем своим (22).

92. Услыши ны боже, спасителю нашъ, упование всем концем земля и сущимъ в мори далече (37).

25. Покорив под ся округныя страны (38).

25. Тогда начать мрак идольский от нас отходити и заря благоверна явишася (40).

111. Ты правдою бе облечен, крепостию препоясан, истиною обут, смыслом венчан и милостынею, яко гривною и утварью златою, красуюся (47).

Синайский евхологий

Благословен еси господи боже израилев, еко посети и сътвори избавление людем своим (3).

Всех боже спасе наш сущих на земли и на мори далече (118).

Покори под ногама его вся поганьскыя брани (35).

Днес от тьмы свободени бываем и светомь богоразумне весь мир озарется (4).

Въ нь же образ облечеса силою твоею, ризу же правде пособуя, а поес — мрътвость телу, о немь же лежя, куколь же съмеренью шлем спасенью положь, аналав крестомь и верою украсяся (182).

¹⁷ Euchologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb, 1882.

112. Да соблюдетъ я господь богъ отъ всякоа рати и плененна, отъ глада и всякоа скорби и сътужденна (47). О избавитися намъ отъ всекоа скръби, гнева, беды и нужда (112).

Все приведенные параллели восходят к общим источникам: к Евангелию, Псалтыри, Служебнику, Требнику и другим богослужебным книгам; все параллели, кроме предпоследней, совпадают либо по смыслу, либо по отдельным выражениям. Поэтому, вероятно, и выписаны Н. К. Никольским без каких-либо комментариев. Что же касается предпоследней цитаты, то к ней есть любопытное примечание: «Это образное выражение может быть сопоставлено как противоположение иноческому одеянию» (л. 111). И это, скорее всего, именно так: цитата, взятая из чина пострижения, была, конечно, хорошо известна монаху Илариону, и он мог ее столь своеобразно и талантливо переадресовать князю Владимиру, противопоставив символику иноческого одеяния доспехам война.

Все это так, но надо было ли Илариону за этой цитатой обращаться к глаголическому Евхологию, когда он мог ее взять из любого русского требника? Очевидно, у Н. К. Никольского были также какие-то соображения для привлечения именно этого источника, но их следов не осталось в архиве ученого. Быть может, в данном случае имеет значение и то обстоятельство, которое отсутствовало в предыдущих примерах — параллелях из латинских источников — общность языка (при различии алфавитов), на котором написаны оба сравниваемых памятника. Но этот вопрос — в компетенции специалистов-лингвистов, которых, надеемся, могут привлечь приведенные выписки-параллели Н. К. Никольского.

Что касается остальных памятников кирилло-мефодиевской литературы, названных в воспроизведенном выше перечне Н. К. Никольского, то выписки-параллели из них немногочисленны и количественно неравномерны, а из «Прогласа» к Евангелию нет вообще ни одной выписки. Последнее, скорее всего, не случайно: знакомство с текстом «Прогласа» (по изданию П. А. Лаврова) не обнаруживает никаких точек соприкосновения с произведениями Илариона.

Из последних трех памятников, названных в перечне — Житий Мефодия и Вита, а также из «Слова, изданного Поповым»,¹⁸ сделано всего по одной выписке, и все они — не более как отдельные совпадающие выражения и фразы: «честная глава» (в «Слове» Илариона и Житии Мефодия); «Да не рекуть языци, къде есть бог его» — в Молитве Илариона и «Да не рекуть языци, къде есть бог его» — в Житии Вита (л. 131); «На небеси бо безматерен, на земли же без отца» — в «Исповедании веры» Илариона и «Без матери си нравен на небеси, безъ отца же бысть второе на земли» — в «Слове» на рождество (л. 36).

Больше же всего и наиболее убедительных выписок-параллелей подобрано Н. К. Никольским в трех первых памятниках его перечня — в Житии Кирилла, в Похвальном слове Кириллу и Мефодию и в «Написании о вере»; некоторые выписки из первых двух, относящиеся к «Слову о законе и благодати», мы и приведем параллельно.¹⁹

¹⁸ «Слово на Рождество», опубликованное А. Н. Поповым в его «Библиографических материалах» (ЧОИДР, 1880, кн. 3).

¹⁹ Выписка из Похвального слова Кириллу и Мефодию, а также из Похвалы Кириллу, в которой тоже есть сходство со «Словом о законе и благодати», сделаны по изданию: *Fontes Regum Bohemikarum*, t. I. Praha, 1871.

«Слово о законе
и благодати»

75. И снесе Моисей от Синайския горы закон, а не благодать — стень, а не истину (25).

89. Евангельский же источник наводнився и всю землю покрыв (34).

90. Внезапу потече источник евангельский, напаяя всю землю нашу, якоже рече Исаиа (35).

91. По пророчеству: тогда отверзутся очеса слепых и ушеса глухих услышат.

88. Не разумеющим деснице и шуице (35).

15. Святаа церкви святыа богородица Мариа, юже създа на правоверне основе (44).

103. Юже с всякою красотою украси златом и серебром и каменнем драгым и съсуды честными (45).

110. Ты бо, о честнаа главо, о честнаа одеице, ты бе алчным кърмитель, ты бе жаждющим утроб охлаждение, ты бе вѣдовицам помощник, ты бе странним покоище (47).

Похвалное слово
Кириллу
и Мефодию

Не сени служителя, нѣ истине проповедника быста (63).

Яко же бо источникъ вьсю испльняя вьселеную, напои жадныя словесе божиа, яко же рече сам господь (59).

Нѣ верю словесе божиа жадныя напоиста (62).

Языку, иже не разумеша десниця своя ни шуиця (62).

Не на тужемь основании свое дело полагающа (63).

Альчющим неокудная пища, жаднымъ непременаи источникъ, нагымъ обильное одение подающа, сырнымъ помощника, страннимъ примьника (67).

Похвала Кириллу

Истече источник животныхъ словес, напаяя пресохшую сухоту нашу (56).

Житие Кирилла²⁰

И отверзосася, по пророческому словеси, уши глухыхъ услышати книжная словеса (24).

Храмы сътворены златом и серебром и каменнем драгым и бисером (10).

Кроме этих крупных и подчас достаточно убедительных параллелей между «Словом о законе и благодати» и памятниками, посвященными деятельности Кирилла и Мефодия (хотя к ним можно поискать аналогии и в других южнославянских памятниках), Н. К. Никольским приводятся многочисленные сходные словосочетания (например, «мгла неведения» — «мрак неведения»), что дает ему основание утверждать: «Похвала Кириллу и Мефодию напоминает слог „Слова о законе и благодати“» (л. 61). И это можно подтвердить еще многими примерами, понимая термин «слог» расширительно, как «сложение», конструкцию «Слова» Илариона. Это бросается в глаза с первых же абзацев всех трех произведений.

Не будем еще раз цитировать начало «Слова о законе и благодати», но лишь напомним его смысл — очень важный для раскрытия идейно-политического содержания всего произведения: это — ключ к содержанию и тональности «Слова» Илариона.

²⁰ По изданию О. М. Бодянского (ЧОИДР, 1863, кн. 2).

Речь идет о «посещении людей», которых «бог израилев» ранее лишь «оправдывал законом», а теперь, «не презре твари своея идольским мраком одержимой быти», сыном своим спас все народы, «Евангелием и крещением вводя в обновление паки бытия в жизнь вечную». В иных выражениях, но в том же смысловом и тональном ключе начинаются Житие Кирилла-Константина и Похвальное слово славянским просветителям.²¹

Житие Константина Философа

Бог милостивый и щедр, жада на покаяние человеце, да быша спасени вси были и в разум истинный пришли, не хошетъ бо съмръти грешником, но покаания и животоу, аще и наипаче прилежити на злобу, но не оставяеть человека рода отпасти ослаблением и в съблазн неприязнен прити и погыбнути, но на каждо убо лета и времена не престаеть благодати творя нам многыя, якоже испрва, таже и ныне, пръвое патриархы и отцы и по тех пророкы, и по сих апостолы и мученикы и праведными мужи и учителя (1).

Похвальное слово
Кириллу и Мефодию

Богу и спасу нашему Исус Христу многымъ и неиздреченнымъ человеколюбием: помиловавъшу род человеческий и не трыпящю създания своего лстыю дьяволю одержима, низъложи себе в съмеренне вольное и въплъщъся от св. духа... (79).

В Житии Кирилла более подробно и ближе к «Слову» Илариона (там даже встречается слово «благодать»), а в Похвальном слове несколько короче проводится одна и та же мысль — о милостивом боге, спасающем род человеческий от «лести дьявольской» сначала «патриархами» (ветхозаветными) и пророками, а потом своим «воплощением от святого духа», а также «апостолами и мучениками». И то же самое, но более подробно, с развитием каждого тезиса, говорится в «Слове о законе и благодати».

Далее Иларион чрезвычайно подробно и, очевидно, вполне самостоятельно развивает тему противопоставления «закона» и «благодати», сравнивая их с библейскими персонажами (Авраамом, Саррой и Агарью, Иаковом), рассуждает о судьбе еврейского народа, о преимуществе христианства. И в этой срединной и очень большой части «Слова» никаких аналогий ни с разбираемыми, ни с упоминавшимися выше памятниками не наблюдается (таких примеров нет и у Н. К. Никольского). Но лишь как только «Слово о законе и благодати» возвращается к теме торжества христианства, так вновь попадают текстуальные совпадения с произведениями о славянских первоучителях. Перефразируются одни и те же места пророческих библейских книг — Исая (стр. 28 по изданию «Слова», стр. 30 в издании Жития Кирилла), Малахии (стр. 34 и 17) и другие, цитируются те же самые псалмы. При этом цитаты из Псалтыри в «Слове» по своему языку ближе к ее древнейшим спискам, чем в Житии Кирилла (в обоих опубликованных П. А. Лавровым списках — русском и южнославянском).

Приведем для примера две параллельные цитаты рядом с соответствующими им стихами Псалтыри (по изданию Амфилохия).²²

²¹ Цитируются по изданию П. А. Лаврова — см. выше, прим. 6. Этих примеров у Н. К. Никольского нет.

²² Амфилохий. Древлеславянская Псалтирь XIII—XIV в., тт. 1—3. М., 1874—1879. Текстуальные совпадения с произведениями Илариона отмечены Н. К. Никольским не только в самих псалмах, но и в многочисленных «молитвах по кафизме», например: «Колико бремя греховно разсыла» — «рассыпши бремя грехов», «Глад угоби» — «землю угоби», «твои бо есмь твое създание» — «яко твое есмь здание» (л. 51) и др. Библейскими цитатами у Илариона Н. К. Никольский, вероятно, вообще намеревался заняться подробно: последние 40 листов его материалов, вложенные в конверт с надписью «„Слово о законе и благодати“ — тексты», представляют собой заго-

«Слово о законе
и благодати»

И Давид: вся земля
поклонит ти ся и поет
тебе (34).

И: хвалите господа
вся языци и похвалите
его вси людие (37).

Житие Кирилла

И другояко: вся земля
да поклонится и да поетъ
тебе (30).

И паки: хвалите бога
вси языци похвалите его
вси людие (30).

Псалтырь

Вся земля да покло-
нить ти ся и да поеть тебе
(т. 1, стр. 398).

Хвалите господа вси
языци похвалите и вси лю-
дие (т. 2, стр. 281).

К первой цитате Амфилохий делает примечание, что в Чудовской псалтыри XI в. и в двух псалтырях XIII в. «в первом полустушии в обоих местах нет „да“»; следовательно, Иларион цитирует древнейший текст. Важно отметить, что отсутствие того же двоекратного «да» указывается Амфилохием и в печатной Псалтыри Ф. Скорины, изданной в 1517 г. в Праге. Совпадение цитат первого русского «Слова», старейшей русской Псалтыри и первой славянской печатной Псалтыри, изданной на территории древней Моравии, следует признать знаменательным. И хорошо было бы произвести сверку всех псалтырных цитат «Слова о законе и благодати» с этими источниками.

Во второй цитате Амфилохий отмечает лишь замену «и» на «его» во «всех приводимых славянских псалтырях»; кроме этой замены, в «Слове» есть еще одно совпадение с древними псалтырями — слово «господа».

Но только если в Житии Кирилла приведенные стихи псалмов идут подряд, то у Илариона — в некотором отдалении, и расстояние между ними заполнено, так же как и во вступительной части «Слова», развитием отдельных тезисов и другими цитатами (последних у Илариона вообще несравнимо больше). Однако вводятся эти цитаты в текст сравниваемых памятников подчас аналогичными оборотами: «И Давид» — «И другояко», «И» — «И паки» и другими подобными.

И уж совершенно естественны совпадения в последней, панегирической части «Слова о законе и благодати», прославляющей просветителя Руси — князя Владимира, с Похвальным словом славянским просветителям:

«Слово о законе и благодати»

Тебе же како похвалим, отче честный
и славный в земных владыках премужественный
Василие? (40).

Яко твое верно всиание не исушено
бысть зноем неверна, нъ дождем божиа
поспешения распложено бысть много-
плодне (46).

Помолися о земли своей и о людех ...
и да славится в нем правоверие (47).

Помолися о сыне твоём ... в мире и
в сдрави пучину житиа преплуту ... и
за труд паствы людий его прияи от него
венець славы нетленныа с всеми правед-
ными, трудившимися его ради (48).

Похвала Кириллу и Мефодию

Темь же кыя убо хвалы въздамь вама,
тружьнимся толико Христа ради? (86).

И въздоивъша клас многоплодна,
имь же напитеста альчющая языки и
жадные напоиста животьнаго пива ...
благословен язык ваю, имь же насеяста
духовныя словеса в спасение (86).

Непрестаньно, преподобная и истинная
пастыря, за избранное стадо ваю под-
вижно помолитася ... да достойно по-
живьше о Христе наследьници труду ваю
обрящються и проповедьници правей вере
(87).

Подведем итог выводам из рассмотрения отмеченных Н. К. Никольским и дополненных нами параллелей к «Слову о законе и благодати» из памятников кирилло-мефодиевской и «латинской» (по его выражению) литературы. По происхождению их можно разбить на две группы. восходящие: к общим источникам (преимущественно библейским и бого-

товку этой работы: на них написаны отдельные фразы и оставлено много места для подборки соответствующих источников. Атрибуция библейских цитат с исчерпывающей полнотой сделана в книге Л. Мюллера (см. выше, прим. 16).

служебным книгам) и к аналогичным ситуациям в сходных по содержанию и жанру памятниках. Первая группа — выписки из сочинений Гавденция и Синайского евхология — не представляется, как уже отмечалось выше, на первый взгляд убедительной и требует дальнейшего исследования, преимущественно лингвистического (особенно это относится к параллелям из Синайского евхология). И тут встает трудность, не отмеченная Н. К. Никольским, — отсутствие научного, критического издания произведений Илариона, в котором находился бы хоть сколько-нибудь убедительно близкий к первоначальному их текст. Издание А. В. Горского, которым пользовался Н. К. Никольский, воспроизводит текст единственного списка полной, первоначальной редакции «Слова» далеко не исправно,²³ но и список этот, сравнительно поздний (середины XV в.), хотя и довольно архаичный по языку, требует тщательного текстологического и лингвистического анализа в сравнении с другими 44 списками двух последующих редакций.²⁴

Что же касается другой группы выписок-параллелей — из легенды о св. Вацлаве и произведений о славянских просветителях (а сюда можно добавить и достаточно убедительную, хотя и восходящую к общему источнику — псалму 78-му, выписку из Жития св. Вита), то в них обнаруживаются не только случайные и отдельные лексические совпадения, но и настоящие аналогии смыслового и структурного характера. А это уже дает основание предположить, что Иларион знал, а в «Слове о законе и благодати» творчески и позаимствовал из таких старейших памятников мораво-чешской литературы, как Житие Константина Философа, Похвала ему, Похвальное слово Кириллу и Мефодию, а также Житие св. Вита и легенды о св. Вацлаве. Последние, как теперь уже можно считать установленным, знал и его младший современник — биограф Бориса и Глеба. И продолжение исследования Н. К. Никольского в этом направлении сулит принести совершенно новые, а быть может, и неожиданные факты, свидетельствующие о связях древнейшей русской литературы с мораво-чешской.

К таким неожиданным фактам следует отнести отмеченные Н. К. Никольским совпадения отдельных мест в начале молитвы Илариона с мессой св. Августина:

<i>Молитва Илариона по изд. Горского</i>	<i>Месса св. Августина по изд. Минья²⁵</i>	<i>Перевод</i>
150. Заглади рукописание сблази наших, укроти гнев, им же разгневахом тя (49).	Converte nos, Deus salutaris noster, et averte iram tuam a nobis.	Обрати нас, боже, спаситель наш и отврати твой гнев от нас.
149. Не вниди в суд с рабы своими (49).	Ne intres in iudicium cum servis tuis, neque in ira furoris tui corripias.	Не входи в суд с рабами твоими и не осуждай в гневе ярости твоей.

²³ Об этом см.: Н. Н. Розов. Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. — «Вопросы теории и истории языка», сборник в честь 70-летия проф. Б. А. Ларина, Л., 1963, стр. 270—278. Новая публикация текстов произведений Илариона по их уникальной Синодальной рукописи принадлежит автору настоящей статьи (Slavia, 32, 1963, стр. 141—175).

²⁴ Подробнее об этом см.: Н. Н. Розов. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати». — Slavia, 35, 1966, стр. 365—379. Обзор списков этого произведения, их расположения по редакциям, см. также: Н. Н. Розов. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 42—53.

²⁵ M i g n e. Patrologia latina, CI, 451.

148. Умилосердися, помилуй — твои бо есмь, твое създание, твоею руку дело (49).

Miserere nobis, Domine, miserere nobis. Opera manum tuarum sumus, ne pereamus.

Помилуй нас, господи, помилуй нас. Мы — творение рук твоих — да не погибнем.

151. Сам направляя ны на истину твою, научая ны творити волю твою, яко ты еси бог наш (50).

Dirige nos in via recta, doce nos facere voluntatem tuam, quia tu est Deus pater.

Направи нас на правый путь, научи нас творити волю твою, ибо ты — бог наш.

Эти лексические и смысловые совпадения одной из самых ранних русских молитв с католической мессой должны быть проверены, хотя к ним можно подобрать аналогии и из других памятников, восходящих к общим источникам. Круг этих памятников был несомненно хорошо знаком Н. К. Никольскому, но им были выбраны именно данные памятники, вероятно, по каким-то серьезным и основательным соображениям.

Еще более пространная цитата из сочинения католического автора приводится Н. К. Никольским как параллель к «Исповеданию веры» Илариона (л. 136).

«Исповедание веры» — последнее из произведений Илариона (в таком порядке они переписаны в уникальной Синодальной рукописи, по которой уже трижды — А. В. Горским, Л. Мюллером и автором настоящей статьи — издавались) — давно привлекает внимание исследователей. Последний из них — Л. Мюллер — приводит к «Исповеданию веры» Илариона параллели из трех византийских источников: Никео-Константинопольского символа веры, сочинений Ефрема Сирина и «Исповедания веры» Михаила Синкела; греческий текст последнего источника он опубликовал в числе приложений к своей книге вместе с отрывком «Почтения в правой вере».²⁶ Но никто еще до Никольского не обращался в поисках соответствий «Исповедания веры» Илариона, изложенного им, вероятно, в ответственный момент его жизни — во время хиротонии в митрополиты, не только к византийским, но и к западным, латинским, источникам.

Однако в данном случае можно сказать, что размер привлеченной им для параллели цитаты из сочинений Бонифация обратно пропорционален ее убедительности. Отрывок и изложен не от первого лица, как «Исповедание» Илариона, с началом которого он соотносится. Что же касается совпадения отдельных слов в формулировке догмата о Троице (а только эти слова и подчеркнуты Никольским в его выписке), то их можно найти в различных патристических и канонических памятниках, что и сделано самим Н. К. Никольским: к последней фразе приведенного отрывка «Исповедания» Илариона им сделана в отдельной обложке (лл. 132—136) большая подборка аналогий из самых разнообразных по происхождению произведений — из Фрейзингенских отрывков, Написания о правой вере Константина Философа, упоминавшегося уже выше «Слова на рождество», Жития св. Конона и из Слова Григория Богослова.

Столь же многочисленны выписки Н. К. Никольского параллелей к «Исповеданию» Илариона в той части, где формулируется догмат о воплощении бога; они сделаны преимущественно из трех источников: «Написания о вере» (по рукописи Троицк. 12), «Написания о правой вере Константина Философа» (по изданию Ильинского) и опять-таки из

²⁶ В архиве Н. К. Никольского есть много выписок о Михаиле Синкеле (лл. 58—60). Обильные сведения по истории славянского перевода Символа веры он приводит и в своих «Материалах для повременного списка русских писателей и их сочинений» (СПб., 1906, стр. 16—36).

«Слова на Рождество» (лл. 35—40 и некоторые другие). Но эти отрывки сравниваются им не столько с «Исповеданием» Илариона, сколько между собою; в данном случае, вероятно, Н. Н. Никольский намеревался проделать более сложную текстологическую работу, чем просто выписку цитат-параллелей. И это, конечно, не случайно: история славянского и русского текста Символа веры, «вольным пересказом» которого является «Исповедание веры» Илариона, вызвала к жизни значительную литературу, но до сих пор еще не может считаться окончательно выясненной.

Итак, по исследованию происхождения и третьего произведения Илариона Н. К. Никольским была начата большая работа с привлечением новых и неожиданных источников; о результатах, к которым должна была она привести, сказать ничего нельзя из-за скудости сохранившегося в архиве ученого материала. Но уже сам факт привлечения Н. К. Никольским к исследованию сочинений Илариона древнейших, в том числе западнославянских патристических и канонических памятников, значит много: ведь именно им были в свое время отмечены «следы мораво-чешского влияния» на русских «литературных памятниках домонгольской эпохи» и был поставлен вопрос «о западном влиянии на древнерусское церковное право». Скорее всего исследование произведений Илариона велось Н. К. Никольским в подкрепление названных его положений, далеко не единодушно отвергаемых современными исследователями.

«Западническое» направление исследования Н. К. Никольским творчества Илариона несомненно связано с его общей, весьма оригинальной оценкой идейно-политического содержания «Слова о законе и благодати». Об этом в архиве ученого сохранились гораздо более полные и связанные материалы, чем те, которые явились предметом рассмотрения настоящей статьи. Поэтому в заключение остановимся вкратце на общей оценке Н. К. Никольским «Слова» Илариона.

Прежде всего — о доминирующей мажорной тональности «Слова о законе и благодати», о его оптимизме. Н. К. Никольский замечает: «Источник радости и оптимизма — в догматике Илариона» (л. 14) и сравнивает это с богомилством: «У Илариона нет ни следа богомилства ... богомилы — пессимисты, Иларион — оптимист» (л. 11).

Далее — о тенденциозности «Слова», о его антииудейской и антигреческой направленности, или наоборот — юдофильских и грекофильских тенденциях (споры об этом продолжают уже полтора года) — Н. К. Никольский отмечает: «Христиане — не националисты (ср. с иудеями)»; «греки желали сузить представление о церкви — до пределов Византии, а Иларион не был сторонником такой узости» (лл. 14 и 27).

Наконец о том, что, по мнению Н. К. Никольского, определяет «место „Слова о законе и благодати“ в эволюции русского литературного творчества». Утверждая, что вся «допетровская книжность» была «проникнута идеологией монастыря», он пишет: «В „Слове“ нет следов пессимизма и крайностей аскезы, нет следов учения о монашеском ангелоподобии как условии спасения ... „Слово“ не одиноко, оно находится в цикле однородных произведений XI в., следы которых имеются на „Повести временных лет“. Всмотриваясь в эти отрывки, мы видим, что отсутствие аскетизма не было случайным, но является представителем особого мировоззрения XI в., отражение которого нашло себе в письменности XI в. ... С конца XI в. это мировоззрение уже исчезает из наших памятников и вступает в силу монашеская идеология с значительной при-

месью богомилства. Эта идеология укореняется на Руси, в Москве, материализуется и получает название православия» (л. 52—54).

Итак, можно сделать вывод, что, по мнению Н. К. Никольского, мировоззрение первого русского митрополита и его канонические взгляды несколько отличались от позднейшего русского «православия» с его монашеским аскетизмом, шедшим из афонских, палестинских и сирийских монастырей, с его византийской нетерпимостью ко всем другим христианским церквам. Видимо, это и дало основание Н. К. Никольскому искать параллели (если не сказать источники) творчества Илариона в сочинениях католических писателей. И не только католических: целая группа подготовлявшихся им материалов (к ним, вероятно, относится помета на л. 7: «Армянское вероучение — для Илариона») состоит из выписок «Изложения веры армянской церкви, начертанного Нарсесом католикосом» (л. 81—87). Такой «церковный космополитизм» Илариона²⁷ можно связать с теми скудными сведениями о его жизни и деятельности, которые сохранила «Повесть временных лет» и Киево-Печерский патерик.

Постриженник основателя русского монашества — Антония, побывавшего на Афоне, и сам строгий подвижник-аскет, Иларион, сделавшись приближенным Ярослава Мудрого, приобщился к кругу собранных им книжников. Последние занимались переводом и перепиской широкого круга и не только патристических, церковно-канонических, но и исторических книг и при том не исключительно с византийских оригиналов. В числе переведенных книжниками Ярослава книг были несомненно и сочинения мораво-чешского происхождения: об этом свидетельствуют «Повесть временных лет», в которой «из не дошедшего до нас мораво-паннонского источника извлечены сведения о Поляно-Руси и о переложении книг на славянский язык»,²⁸ Житие Бориса и Глеба и некоторые другие старейшие памятники русской литературы, к которым можно теперь с некоторой степенью достоверности присовокупить и сочинения самого Илариона. Таким образом, Илариону стал доступным гораздо более широкий круг чтения, чем он имел бы, оставаясь рядовым монахом Киево-Печерского монастыря. Посвящение Илариона в митрополиты, бывшее несомненно актом антигреческим, автоматически поставило его в оппозицию к византийской церковной иерархии и в какой-то степени и ко всему тому, на чем Константинопольская патриархия основывала свои притязания на монополию церковно-идеологического влияния на Руси. Отсюда уж нетрудно предположить, что даже в своем официальном каноническом документе — в «Исповедании веры», подписанном им собственноручно, Иларион мог руководствоваться не только византийскими каноническими памятниками.

Из этого нельзя, разумеется, делать вывод о «неправославии» Илариона, как это делает современный польский ученый А. Поппэ, считающий, что сменивший Илариона митрополит-грек прежде всего даже освятил Софийский собор, как оскверненный святотатством,²⁹ но то, что он мог в своих сочинениях, даже канонических, пользоваться не только

²⁷ Об этом Н. К. Никольский, возражая Пл. Соколову, пишет так: «Иларион не был представителем учения о греческой церкви как истинной, но был сторонником учения о всемирной церкви» (л. 27).

²⁸ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 7-е, М., 1966, стр. 80. Любопытно отметить, что в этом, последнем, издании своей книги Н. К. Гудзий соглашается еще с одним положением Н. К. Никольского. Подводя итог истории литературы Киевской Руси, он пишет: «Религиозная нетерпимость к иноверному Западу не достигла еще тех размеров, которых она достигла ... позже» (стр. 172).

²⁹ А. Поппэ. Заснування Софії Київської. — Український Історичний журнал, 1965, № 9.

византийскими и южнославянскими,³⁰ но и западнославянскими, в том числе католическими источниками, предположить можно. Что же касается путей проникновения последних источников, то они могли быть и окольными и прямыми: если Паннонские легенды о славянских просветителях пришли к нам из Болгарии, где нашли приют их ученики, то для Жития св. Вита и легенд о князе Вацлаве такой окольный путь мало вероятен. Но в обоих случаях мы имеем дело с памятниками древней чешской литературы, проникшими в Киевскую Русь и отразившимися в древнейших памятниках русской литературы, в том числе — в первом ее «Слове». А это уже — факт русско-чешских литературных связей древнейшего периода.

Все сказанное в предлагаемой статье не больше как предположения. Основываясь на материалах незаконченного исследования Н. К. Никольского, ее автор считает возможным, что Иларион знал и творчески использовал в своих произведениях некоторые памятники древней мораво-чешской литературы. Дальнейшие исследования вопроса о западнославянских элементах творчества одного из первых русских писателей должны показать, является ли эта возможность действительностью.

---

³⁰ Некоторые выписки из памятников византийской и южнославянской литературы, сделанные Н. К. Никольским для сравнения с произведениями Илариона, выглядят весьма убедительно. Приведем два примера — из Георгия Амартола (л. 157) и Козмы Пресвитера (л. 21).

Амартол

Мимоседъши идольстей предести, неразумья мрак изгнаси и светлаго разума луча всю вселенную исполниси. Елени и Ромей распятого бога славять и противу много жженарицаемии бози Троице единой работающе. Бесови храме разорени быша и капища идольския искоренишася и церкви светлые утвердишася.

Козма

Жидове, прочитающе пророчества, не разумеша, иже беседоваху о страстех господних. По вся суботы прочитающе пророчески книги, самоубийца быша Христови.

Иларион

Тогда начать мрак идольский от нас отходити и заря благоверия явишися. Тогда тьма бесовскаго служения погыбе и солнце евангельское землю нашу осия. Капища раздрушишася и церкви поставляються, идолы съкрушаются и иконы святых являхуся, беси пробегашу — крест грады освящаше. . . Все людие исполньше святыха церкви вславишия глаголюще: един свят, един господь (40).

Иларион

Ведущеи бо закон и пророки распяша и; ты же ни закона, ни пророк почитав, распятому поклонися (41).

Есть у Н. К. Никольского немногочисленные выписки-параллели к Илариону и из памятников позднейших — Чтений о Борисе и Глебе, сочинений Кирилла Туровского, летописей, подбирившиеся, вероятно, в плане определения «места „Слова о законе и благодати“ в эволюции русского литературного творчества».